

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ИЗУЧЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Формирование украинской державности со всеми вытекающими проблемами объединения и консолидации граждан нового государства ознаменовалось в украинской социологической науке особо пристальным вниманием к феномену идентичности. Тематика статей и докладов, сделанных на научных социологических конференциях в Украине за последние 5 лет, а особенно материалов «Первого конгресса социологической ассоциации Украины» (г. Харьков, 2009), свидетельствует об актуальности для отечественной социологии проблем самоопределения и внешней предопределенности выбора украинцами своего окружения, предпочтений, самоотождествлений с одновременным отторжением и дистанцированием чего-то неприемлемого (что, по сути, и есть идентификация, образующая идентичность)^{iv}. Несмотря на разностороннее проявление идентичности в современном обществе, большинство работ украинских исследователей прямо или опосредовано замыкаются на политически обусловленной этноязыковой идентичности. Чаще всего исследованиям по данной тематике подвергается молодежь, либо, наоборот, проводится ретроспекция с углублением в историческую память: Н. Веремеева, О. Иванюто, А. Дейнеко, С. Ефимов, Д. Заец, А. Зотов, В. Онищук, А. Остроухова, Л. Сокурская, В. Серета, Е. Семихат, Ю. Столбова, О. Филипова, Л. Яковлева. Даже идентичность по региональной,

^{iv} Если такие понятия как «организация», «образование», «отождествление» представляют собой одновременно, и вербальную, и субстантивную формы обозначения (выражают, и процесс, и его результат), то «идентичность» в русском языке воспринимается как субстантивная форма слова и выражает только одно значение - результат идентификационного процесса. Но поскольку невозможно обособить состояние идентичности от процесса его формирования, исследователям часто приходится обращаться либо к термину «отождествление», либо чередовать слова «идентичность» и «идентификация».

городской и сельской локализации (А. Денисюк, Г. Коржив, А. Мусиездоров, В. Чигрин), в том числе и религиозная идентичность (А. Николаевская, А. Пташник-Середюк), также увязываются с особенностями постсоветского самоосознания людьми своей принадлежности к глобальным культурно-политическим системам – с «пророссийской» или «прозападной» ориентацией. В стремлении прояснить и спрогнозировать обострившуюся ситуацию вокруг этноязыковой консолидации украинских граждан исследователи активно «штурмуют» эту проблему часто без детальной проработки непосредственно категорий «идентичности» и «идентификации», которые выносятся в качестве объектно-предметной области научных исследований.

Цель настоящей работы заключается в обосновании одного из концептуальных подходов изучения идентичности – конструктивистского. Предметом исследования будет выступать генезис научных идей о феномене идентичности с акцентом на их соответствии основам конструктивизма.

Историко-генетический анализ конструктивизма. В философии конструктивизм понимается «как подход, в рамках которого всякая познавательная деятельность рассматривается как конструирование»³⁴. В историческом плане конструктивистские идеи связывают с античными философами-математиками, основоположниками геометрии (Евдокс, Платон). Дальнейшее развитие «логический конструктивизм» получил в работах И. Канта, на основе математики развился, по мнению И.Т. Касавина, «методический и радикальный конструктивизм». В работах Н. Гудмена получил развитие «символический конструктивизм»³⁵.

В науке конструктивизм представлен (преимущественно в психологии и социологии) как инструментальный подход, как научная теория, которая обрела со временем статус парадигмы.

Для понимания конструктивизма в социологической теории Т. Джонсон, К. Дандекер, К. Эшуорт предлагают следующий подход: с целью преодоления «кризиса фрагментации» социологической теории они

структурируют социологическое терриотизирование по любой исследуемой проблеме в двух направлениях: поиск ответа на вопрос о том, что для исследователя представляет собой социальная реальность? И каким образом получить об этой реальности качественные знания? Рассуждения о социальной реальности лежат в дуализме материалистической и идеалистической картин мира, а способы познания исчерпываются номинальным и реальным³⁶. Любой объект исследования, будь то «форма социальной организации, производственные системы, средства насилия, культурные артефакты и т.д.» – все эти явления могут рассматриваться «как материальные» и как «идеалистические». Материалистический подход часто строится на натурализме, на методах естественных наук, выявлении связей между природным, животным миром и человеком. Идеалистический подход опирается «на использования сложных систем лингвистических знаков и культурных символов». В исследованиях идеалистической направленности учитывается, что «человеческая деятельность является не поведением (адаптацией к материальным условиям), а выражением смысла, который люди придают (посредством языка) своим поступкам. Социальное действие, поэтому всегда является процессом надления ситуации смыслом, и именно смыслы, идеи, символы и т.д. составляют «материю» социального мира³⁷. Вынесение авторами на первые позиции субъективных смыслов в современном социальном действии, активности субъекта (а не приспособления) является основанием для того типа конструктивизма, который мы предполагаем взять за основу – субъект-центрированного конструктивизма.

В современных условиях интеллектуализации и прагматического использования знания во всех сферах жизни неизбежно приходится отталкиваться от конструктивизма как теории и парадигмы. Конструктивистские взгляды мы предлагаем сгруппировать в два блока где, с одной стороны, будут объединены теоретические модели, которые, пользуясь терминологией Ю. Хабермаса, можно назвать «субъект-центрированными»³⁸,

соответственно, с другой стороны, – «социоцентрированными». Последние точнее можно назвать теориями «бессубъектного конструктивизма». Взгляды социологов, объединенных первой позицией по отношению к процессу конструирования и реконструирования социальной реальности, заключаются, в общих словах, в признании того, что «человек – существо, обладающее намерениями, и он может изменять свое поведение»³⁹. Из чего следует, что основные идеи – как и что изменять? – исходят от изобретательного, мыслящего субъекта. А стратегия исследовательских действий, согласно Джонсону, Дандекеру и Эшуорту, логически определяется как субъективистская.

Что же касается непосредственно феномена «идентичность», то в отношении него, на наш взгляд, вполне возможно применение конструктивистской теории и стратегии субъективизма. Такая позиция имеет место не только у представителей социо-гуманитарных наук, но и у современных философов. В частности, В.С. Малахов считает: «... нельзя забывать, что идентичность в строгом смысле слова может быть атрибутирована только индивидам ...». И далее автор напоминает, что и Ю. Хабермас выступал «против некритического употребления термина «идентичность» и, в частности, против подмены проблематики индивидуальной идентичности риторикой коллективной идентичности»⁴⁰. Это отвечает и субъективистской стратегии Джонсона, Дандекера и Эшуорта. С их точки зрения, субъективизм сочетает идеалистическое и номиналистское решения, а также включает воззрения, конструирующие социальный мир как продукт интерпретационной деятельности индивидуальных действующих субъектов⁴¹.

Идентичность в социо-психологическом научном дискурсе. В поисках отправной точки в изучении идентичности большинство исследователей сходятся на ее научном становлении в недрах психологической отрасли. Интерес к идентичности (непосредственно в таком терминологическом обозначении) начал формироваться с работ психолога Э.

Эриксона⁴², и до настоящего времени эта категория остается преимущественно в объектно-предметной области социальной психологии. Но более раннее описание непосредственно процесса идентификации (приводящего к построению идентичности) на примере формирования мужественности у мальчиков и женственности у девочек⁴³ принадлежит З. Фрейду. Более того, именно Фрейд заявил о возможности конструктивистского (воспитательного) обхождения, как с половой идентификацией, так и с идентификацией личности социальным нормам: «К числу своих самых важных задач воспитания общество должно отнести укрощение, ограничение, подчинение сексуального влечения, когда оно внезапно появляется в виде стремления к продолжению рода, индивидуальной воле, идентичной социальному требованию. Общество заинтересованно также в том, чтобы отодвинуть его полное развитие до тех пор, пока ребенок не достигнет определенной степени интеллектуальной зрелости, потому что с полным прорывом сексуального влечения практически приходит конец влиянию воспитания»⁴⁴. Из этого вытекает необходимость выделить в идентификационном процессе две стадии: идентификацию при активном влиянии субъектов воспитания и самоидентификацию. Для первой стадии, согласно Фрейду, характерна такая последовательность в актах воздействия со стороны природы, родителей и воспитателей: начальная — формирование идентичности по полу, затем идентичности по волевым установкам и определенному интеллектуальному уровню и последующая — идентичность социальным требованиям до полного прорыва сексуального влечения. После этого логически наступает вторая стадия — самоидентификация в условиях все расширяющегося социального взаимодействия. Не заостряя внимания на сексуальной зрелости, но в таком же русле рассуждал и ученик Фрейда К.Г. Юнг, различая в человеческом становлении отдельно период природы и культуры: «Добывание денег, общественные достижения, семья, потомство — все это не что иное, как чистая природа, но не культура. Культура располагается за пределами

природных целей, которые, возможно, и являются целью второй половины жизни»⁴⁵.

Деление на две стадии не только процесса идентификации, но и социализационного процесса, стратегий построения отношений индивида в обществе, да и в целом жизненного цикла личности уже традиционно приобрело форму выделения молодежного возраста и постмолодежного.

Идентичность — это приобретение личностью сходств-предпочтений с одними людьми и обособления от других через неосознаваемый эмоционально-когнитивный процесс уподобления, подражания или рефлексивного исключения чего-то неприемлемого, а также через познавательный процесс сопоставления, оценивания и самоопределения. Соответственно, первому, или молодежному, периоду жизни человека присущи преимущественно неосознаваемые, эмоциональные уподобления, подражания в комплексе с одновременным неприятием; второму, «постмолодежному», — преобладание над первыми свойствами рациональных процедур оценивания, критики, выбора, творческих устремлений. При этом отличие стадий заключается собственно в *преобладании* в первом случае эмоционально окрашенных отождествлений/отстранений над осознанными и, во втором случае, наоборот, *преобладание* осознанных отождествлений/отстранений над эмоциональными. Хотя, как известно, возрастная граница не всегда четко атрибутирует разделение на период наличия и период отсутствия развитой самости.

Во второй половине XX столетия представители социогуманитарных наук отмечают усиливающиеся тенденции к высвобождению индивидуального из-под принуждения социального, а также количественный рост и качественное усовершенствование средств информационно-коммуникативных интеракций в целом в жизни людей. В связи с этим наука активно начинает исследовать проблемы социального взаимодействия смыслополагающих индивидов. В социальном взаимодействии, как известно, особое значение придается восприятию других и себя, выработке жизненных

стратегий в ближайшем социальном окружении. По данному направлению на междисциплинарном уровне (социальной философии, социологии, политологии и социальной психологии) исследования феномена *идентичности* становятся особо актуальными. Это означает, что процессы личностного высвобождения, а также внедрение научных достижений в жизнь людей с последующей информатизацией и глобализацией, сопровождались выработкой новых форм личностного самоопределения, существенно дополнивших социально-системное предопределение социальных статусов и ролей. В дополнение к социально-структурному и функциональному предназначению личности ее место в иерархизированном сообществе начинает корректироваться специфической направленностью, более осознанной, чем интенциональность в толковании феноменологов. Эта преимущественно осмысленная «направленность» собственно и есть самоидентификация, как продолжение на более осознаваемом уровне сформированных воспитанием и предзаданным социозкологическим контекстом сходств-предпочтений.

На наш взгляд, в термине «самоидентификация» аспект «само» может быть объяснен по Дж. Г. Миду как отражающий наличие у индивида сформированной «самости» и одновременно способности к «самопознанию». «На первой из этих стадий (стадий развития самости) самость индивида конституируется просто организацией отдельных установок других индивидов по отношению к нему самому и друг другу в рамках специфических социальных действий, в которых он вместе с ними участвует. Лишь на второй стадии процесса *полного развития самости* (выделено мной) она конституируется организацией не только этих отдельных установок, но также и социальных установок обобщенного другого или социальной группы, к которой он принадлежит, или как некоего целого. Эти социальные или групповые установки привносятся в сферу непосредственного опыта (*experience*) индивида и в качестве элементов включаются в структуру или конституцию его самости»⁴⁶. Иными словами «самоидентификация» — это

прерогатива индивидов или групп, у которых уже сформирована развитая самость и которые отслеживают происходящее с ними самими и с другими в их окружении. У которых она еще не сформирована — их уделом остается идентификация-воспитание, т. е. нахождение в системе предопределенных извне моделей поведения в коммуникациях и взаимодействиях. Степень принятия или непринятия этих моделей уже зависит от специфики построения отношений в субъект-объектной среде воспитания.

Сам же Дж.Г. Мид рассматривал выработку идентичности как процесс самопознания через другого. Именно «в коммуникации отдельная личность реагирует на саму себя»⁴⁷. Мид употреблял «самопознание» и «идентичность» как синонимы, но подчеркивал, что это самопознание осуществляется «окольным путем», «в социальной группе существует такая коммуникация, благодаря которой ... человек оказывается в роли другого человека, роль которого он сам же провоцирует и на которую сам же влияет»⁴⁸.

Также в начале XX столетия в европейской социогуманитарной науке к феномену идентичности, но несколько в ином терминологическом оформлении, обращаются представители психологического направления в социологии: Л. Гумплович, Г. Тард, Г. Лебон. Данные авторы выделяют солидаризирующиеся группы индивидов с преобладанием элементов сознательного и группы с преобладанием элементов бессознательного. В частности Г. Тард, аналогично идентификационному процессу предлагает процесс подражания (периферия — центру или низшие слои — высшим). Г. Лебон высказывается относительно коллективного бессознательного как о «причине сходства индивидов», а «отличают их друг от друга элементы сознательного» (сознание исключительной наследственности, воспитание)⁴⁹, с. 139]. Сознание существенно препятствует процессу «заражения идеями», поэтому идеи и «прогрессируют на молодежи, жаждущей независимости»⁵⁰.

В 60-е годы XX столетия после массовых молодежных протестов особое внимание в европейской науке уделяется возрастной дифференциации

в личностно-социальных связях. О необходимости разделения человеческой жизни на молодежный (зависимый, часто иждивенческий) период и на период взрослой жизни (независимой, самостоятельной) пишут многие психологи и социологи. В связи с этим даже существует обособленная научная отрасль – социология молодежи.

Мысли о том, что молодежь не порождает идеи, а только служит энергетическим ресурсом их воплощения в жизнь, высказывали также К. Манхейм, П. Бергер и Т. Лукман. Первый считал, что «молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию»⁵¹. Авторы конструктивистской теории П. Бергер и Т. Лукман считали, что при внедрении в социальную организацию кардинальной инновации, ее вплетение в жизнь могло быть осуществимо только на молодом социализирующемся поколении. П. Бергер в работе «Общество в человеке» закрепляет за процессом интериоризации большие полномочия. Достаточно создать новые роли, которые взрослым кажутся нелепыми, но для подрастающего поколения они приобретут символическую ценность и начнут контролировать представителей нового поколения уже не «извне», а «изнутри»⁵².

Выделение «молодежной» (при активном влиянии субъектов воспитания) и «постмолодежной» (самоидентификации) стадий основывается на отличиях в физиологии человеческого организма, в основных видах деятельности, в социальной и профессиональной компетентности. После завершения первой стадии идентификации при полноценной идентичности по полу, по волевым установкам и определенному интеллектуальному уровню с усвоением основных социальных требований до полного прорыва сексуального влечения человек вступает в новую стадию самоидентификации с накопленным личностным ресурсом и с относительно устойчивой позицией по отношению к окружающим. Искажения на первой стадии идентификации, как и описанные Э. Эриксоном искажения на социализационном уровне, могут отразиться на самоидентичности таким

образом, что она только по возрастным, т. е. по физиологическим признакам будет допускать наличие у индивида самости, самостоятельности. В соответствии с возрастом индивид вступает в период самостоятельного выбора и самоопределения своего «близкого круга» в действительности и по духу. Реально же он может подпадать под влияние более утонченных технологий воздействия (о чем пойдет речь в подразделе «Идентичность и габитус»). Поэтому мы отмечаем, что и взрослые люди также оказываются объектами социо- и психоинженерных воздействий через процессы идентичности.

Общий вывод из работ социальных психологов и социологов первой половины XX столетия сводится к тому, что для человека-представителя массы, а также для молодежи, идентичность лежит в среде эмоциональной привязанности (подражания, имитации и габитулизации того, что близко по духу или активно присутствует во внешнем окружении). В «постмолодежном» возрасте, когда включенность в наличное культурное наследие осуществляется на все более сознательном уровне, как толкует американский прагматизм, идентичность обеспечивается познавательной и самопознавательной деятельностью. Этот сознательный диалектический механизм – оставаться собой в изменяющемся мире и одновременно устанавливать свои отличия от других, т. е. находиться «в пределах горизонтов»⁵³ – сложен не только для молодежи, но и для представителей социальных слоев с выраженным культурным дефицитом.

В русском языковом поле очевидной является еще и связь (в качестве однокоренных слов) «самости» с «самостоятельностью». Это позволяет трактовать самоидентификацию и как способность оставаться самим собой, и еще как возможность проявлять самостоятельность. В учебниках по социологии молодежи находим, что основное устремление молодежи – это обретение самостоятельности, которая является всеобщей (порой даже неосознаваемой) ценностью этой возрастной группы. Из этого логически выводится подтверждение нашего суждения о двух стадиях

идентификационного процесса – первой стадии молодежной идентичности (зависимой от воспитательных воздействий) и стадии с более выраженной самостоятельностью.

Безусловно, на стадии самоидентификации имеет место большая доля актов сознательного происхождения, однако внедренные в раннем детском или молодежном возрасте на эмоциональной почве установки и в зрелом состоянии чаще всего будут оставаться базовыми, определяющими в целом в идентификационных процессах. Этот факт отмечен еще П. Бергером и Т. Лукманом – внедрение чего-то нового, даже кажущегося абсурдным взрослым людям, необходимо начинать на молодом поколении, которое со временем будет рассматривать эту инновацию как реифицированную (реификация – наделения вновь сконструированных институтов онтологическим статусом), в результате чего некая привнесенная в жизнь инновация становится такой органичной и привычной, что рассматривается как следствие «природы вещей»⁵⁴.

Все же, несмотря на более выраженную самостоятельность в зрелом взрослом возрасте, и на этом жизненном этапе существенно сказываются установки и направленности развития личности, заложенные в условиях воспитательных воздействий в детстве, в ранней молодости, на чем настаивают основатели конструктивистской теории П. Бергер и Т. Лукман. Поэтому самоидентификацию можно охарактеризовать как уже более осознанное обращение с выстроенной в юном и молодом возрасте идентичностью.

Ранние детские восприятия, вернее их отсутствие, на наш взгляд, существенно отразились на том, каким слабым оказался общеукраинский проект возрождения памяти голодомора. Даже у родителей нынешних детей-школьников, не говоря уже о самих детях, не оказалось ярких переживаний голода. Дети «бэби-бума», т. е., окруженные заботой и не испытывающие нужды могут представлять собой очень сложное поколение. И если не предоставлять им сегодня в раннем возрасте хотя бы в игровых

переживаниях какие-либо тревоги, волнения, экстремальные ситуации, то они могут пострадать от собственной беспечности или сформироваться без должного уровня эмпатии к слабым и нуждающимся в помощи.

В результате выявлено, что исследуемая нами категория идентичности начала разрабатываться в психологическом дискурсе, с помощью которой обозначались в детской психике начальные отождествления по полу, по волевым качествам, по интеллектуальному развитию, и в целом соответствие прививаемым в воспитании социальным требованиям. Когда в истории человечества создаются условия реализации личностной свободы и широких интеракций, тогда понятие «идентичность», но уже как атрибут мыслящего субъекта, попадает и в объектно-предметное поле целого ряда социогуманитарных наук. Социальные психологи и социологи признают за идентичностью новую форму личностного самоопределения в иерархичной социальной системе. Согласно интеракционистским взглядам Дж. Г. Мида, его последователей прагматического крыла американской социологии, а также конструктивистов П. Бергера и Т. Лукмана, за процессом идентификации признаются приобретения личностью сходств-предпочтений с одними людьми и обособлений от других посредством эмоционально-когнитивных процессов уподобления, подражания или исключения чего-то неприемлемого, с выраженными самопознавательными установками на сопоставление, оценивание и выбор моделей поведения. Идентичность как результат – это нахождения индивидами и группами своего «близкого круга» в окружающей действительности, (т. е. в реальном окружении) и «по духу», (т. е. на сознательно-бессознательном ощущении близости, подобия и единства). В дальнейшем мы будем определять идентичность как нахождения индивидами и группами своего «близкого круга» в действительности и «по духу».

Вышеперечисленные исследователи отмечают, что для молодежи свойственным является субдоминантное развитие-реагирование на воспитательные воздействия. И только с оформлением у индивидов развитой

самости и при активном самопознании можно говорить об идентичности. Либо, если процессы формирования личности в молодежном возрасте обозначить термином «идентификация», тогда процессы приобретения сходств-предпочтений в постмолодежный период с элементами развитой самости и самопознания логично могут обозначаться термином «самоидентификация». В исследованиях самоидентификационных процессов как более самостоятельных и осознаваемых не следует оставлять без внимания предшествовавшие акты воспитательного воздействия. Роль их остается влиятельной для самостоятельных поступков и самоопределений в зрелом возрасте. С другой стороны, вторая стадия самоидентификации, которая привязывается, прежде всего, к возрасту (т. е. обуславливается физиологией), не обязательно у всех взрослых после молодежного состояния обнаруживает достаточный уровень самости. Для физиологически взрослых не исключается их уязвимость от социоконструкторских воздействий.

Идентичность и габитус. Историко-генетический анализ показывает, что идентичность, первоначально разрабатываемая исследователями как эмоционально-когнитивная система самоотождествления индивида со своим природным и социально-групповым контекстом, со временем приобретает в исторически изменчивом комплексе «индивид-общество» новое значение, а с точки зрения теории конструктивизма – и новое назначение.

Начиная с сословного общества, личность механически включалась в иерархию жесткой социальной структуры с минимальной возможностью для социальной мобильности. Определенное расширение этой возможности можно было наблюдать в классовом обществе. Внедрение рыночных механизмов в жизнь общества существенно активизирует социальную мобильность, что кардинально изменяет конфигурацию, структуру социальной иерархии и роли индивидов в ней.

Самодостаточные, автономизированные, индивидуализированные личности появляются, безусловно, в европейской культуре вследствие интеллектуализации и секуляризации жизни. Например, Г. Зиммель называл

более конкретные истоки этого явления. По его мнению, все началось с отказов женщин рожать детей в соответствии с природной способностью. В контроллинге женщинами процесса репродукции обнаруживает себя «интенсивное ощущение непримиримого противоречия жизни и формы, или иными словами, непрерывности и индивидуальности (маскировка очень индивидуализированных людей высших культур – враждебность к своей функции – быть лишь волной в потоке)»⁵⁵. Подчиненность природе и всеобщим законам не устраивает «очень индивидуализированных людей высших культур», но овладение (знание и использование) этими законами, закономерностями и является той дополнительной силой, которая позволяет им занять более значимое и влиятельное на окружающих положение в обществе.

Социологическая научная отрасль отметила возросшую роль «очень индивидуализированных людей высших культур» созданием конструктивистской теории и парадигмы. Начиная от подражания религиозным практикам воздействия (Э. Дюркгейма), от формирующих мировоззрение политических идеологий (К. Мангейма) и до технологий использования гуманитарных знаний с целью внедрения в сознательные и подсознательные психические процессы (П. Бергера и Т. Лукмана), конструктивистское обращение (обхождение) с социальной реальностью становится все более изощренным и утонченным. Более совершенными технологиями конструирования поведения людей являются те, с помощью которых объект воздействия обретает уверенность, что выполняет навязанную ему роль или действия исключительно в собственных интересах по собственному волеизъявлению. Конкуренция и состязательность в информационном обществе, как указывает Тоффлер, стала основываться не столько на оружии и деньгах, сколько на знаниях, как «заставить *полюбить*» то, что нужно власти, социальным конструкторам-проектировщикам. В это связи возможны пролонгированные технологии воздействия, которые еще с детского возраста закладывают те или иные поведенческие стереотипы для

будущих взрослых. Таковыми были рекламные акции на примере нашего населения Украины: когда в 90-е годы прошлого столетия взрослые люди не могли понять — зачем крупные фирмы тратятся на свою рекламу, когда они (взрослые) на нее не реагируют. И только специалисты социогуманитарной сферы, понимали, что эта реклама рассчитана на детей, на их будущую зависимость от рекламируемых символов и брендов.

Но кроме этого конструктивистские акции могут быть необходимыми и по отношению ко взрослому населению (религиозное миссионерство, предвыборная агитация, внедрение социальных технологий и проектов). В этих случаях используются психо- и социоинженерных методики и техники завуалированного социального воздействия, которые встраиваются не в воспитание, не в интериоризацию социализационных процессов, а в «саоидентификационные процессы» взрослых индивидов. Именно от взрослого населения чаще всего в политических или коммерческих целях требуется то самое «самостоятельное волеизъявление», которое по форме должно выглядеть как самостоятельное, а по целям должно соответствовать замыслу социальных конструкторов-проектировщиков.

Процесс воспитания открыто признается как процесс целенаправленного воздействия субъекта воспитания на объект. Процесс социализации осуществляется посредством интериоризации, овладения, усвоения личностью принятых в обществе норм и ценностей⁵⁶. Адаптация — это согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностью выполнять те или иные социальные роли, отвечать определенному социальному статусу⁵⁷. Процесс же идентификации — это сложный личностно-групповой комплекс соотносительности «Самообраза» и «Образа Других» при допущении возможности быть как «Другие». Об идентичности, отличной от социализации, можно говорить при наличии в обществе определенных свобод и доступности многообразия моделей, стилей поведения. Можно ли, например, говорить о религиозной идентичности в условиях сакрального государства в рамках одной религии? Или, можно ли

задумываться об идентификации по этно-языковому признаку, например, на островной и моноэтнической Японии (особенно в период ограниченной мобильности и коммуникаций)? Безусловно — нет, потому что нет выбора, а есть лишь условия подражания, интериоризации, или в случае неприятия — изоляции, самоизоляции. Что же касается личностного ресурса идентичности, то, как мы уже отмечали выше, он зависит от уровня самости, которая имеет свои возрастные границы и обусловлена способностью к «самопознанию». И если в современных условиях еще можно найти общности, где по тому или иному признаку нет альтернатив выбора, а значит и нет повода говорить об идентичности по данному признаку, то выделить реально обособленные общности индивидов с развитой «самостью» или с неразвитой, практически не возможно. Можно только условно установить степень выраженности этого индивидуального свойства самости через различные варианты реагирования взрослого человека на воздействующие социоконструкторские технологии.

В постмолодежной стадии человеческая личность кроме самости аккумулирует в себе определенный комплекс сущностных черт и приобретений, влияющих на занимаемое ею, место в обществе. Данное явление определяется частью исследователей как «габитус». Современные специалисты пытаются установить, есть ли сходство между габитусом и идентичностью. В частности, немецкий ученый Н. Элиас отмечал: «...отдельный человек несет в себе габитус группы и, взрослея, более или менее индивидуализирует его»⁵⁸. В.С. Мартынов уравнивает понятия «габитус» и «идентичность», добавляя в этот синонимический ряд еще и ментальность⁵⁹.

На наш взгляд, сложно определяемое (особенно в работах П. Бурдьё) понятие «габитус» можно попытаться выразить с помощью русского слова «достояние». В словаре С.И. Ожегова «достояние» определяется как «то, что безраздельно принадлежит кому-то: опыт, имущество, собственность»⁶⁰. Близкое ему по смыслу и звучанию «достоинство» позволяет дополнить

толкование «достояния» еще таким значением, как «имеющее ценность», вернее «стоимость» (С.И. Ожегов подчеркивает совпадение с корнем слова «стоять»). Также в основе «достойн» присутствует и элемент нравственного – то есть «соответствие по праву, по справедливости». Следовательно, достояние – это духовные, интеллектуальные и материальные приобретения индивида, которыми он наделен в связи с истинным актом воздаяния по заслугам. В данном случае габитус можно полностью определять как достояние. Происхождение габитуса от латинского слова *habere* (иметь) позволяет истолковать его как некое приобретение человеком различных достоинств – как знания, так и опыта, так и положения в обществе. Если учесть, что Э. Гуссерль с помощью габитуса пытался обозначить «образованность» или «миро- и жизнепонимание или мирозерцание», а П. Бурдье во множественных толкованиях габитуса чаще обращался к опыту, «практическому освоению регулярностей мира», тогда вполне допустимым оказывается определение понятия габитуса через слово «достояние».

Что же касается идентичности, то в постмолодежной стадии (предполагающей наличие у индивида развитой самости) она представляет собой своеобразное продолжение габитуса. Она основывается (зиждется) на габитусе. В ней актуализируются, формируются и реализуются субъективные предпочтения и предрасположенности – куда направить этот ресурс (габитус) в процессе жизненного самоопределения. Идентичность – это своего рода инструментальная система использования и распределения габитуса как достояния личности. Задействованный в различные проекты, намерения и цели габитус претерпевает изменения, преобразуется и уже в новом состоянии служит основой для новых жизненных стратегий, программ, планов. В континууме использования личностью своего достояния условно можно выделить устойчивое ядро (истинное, онтологическое достояние личности) и периферийное – находящееся в процессе преобразования и предуготовливающее вектор изменения этого ядра. Соответственно, истинное, устойчивое ядро достояния личности можно назвать габитусом, а

подвергаемое всевозможным изменениям его периферийное обрамление – идентичностью.

В продолжение такого суждения можно отметить, что габитус – это достояние по заслугам (более привязано к истине, к онтологии происходящего в жизни субъекта), а идентичность – это периферийная часть достояния личности, соотносимая субъектом с некими актуальными событиями, явлениями, объектами, группами, это установка на применение габитуса с последующим саморазвитием. Идентичность – это посредническая инструментальная система, мобилизирующая достояние субъектов на саморазвитие в ответ на значимые для этих субъектов внешние события, ситуации, группы.

Такое «буферное» свойство идентичности при учете воздействия на взрослых индивидов социоконструкторских технологий позволяет обоснованно установить ее внутреннюю дифференциацию:

- при неразвитой у взрослых индивидов самости (что априори позволяет внешней среде оказывать существенное влияние на таких субъектов) идентичность может быть редуцирована, подменена транслируемыми блок-схемами образов, образцов и стереотипов поведения и не препятствовать внешним агентам оказывать на габитус индивидов и групп воспитательное или конструктивистское воздействие. Это может проявляться в неразборчивости индивидов, их беспринципности, увлекаемости, чрезмерной доверчивости, отсутствии критичности и самокритичности;

- при активно развивающейся самости собственно и происходит раскрытие идентичности, задействование личностного достояния (в том числе и предписанного) в жизненном самоопределении: в преимущественно самостоятельном выборе профессии и рода деятельности, различных стилей поведения и отношения с внешним социальным контекстом, в целом поступки осуществляются осмысленно, на рациональном уровне и с адекватной самооценкой;

- при полной развитости и целенаправленной мобилизации самости взрослым человеком идентичность может возрастать до уровня самой воспитательной деятельности или конструктивистского воздействия определенного субъекта на его окружение. В этом случае можно говорить об агентах идентификационных процессов, осуществляющих, в том числе, и воспитательные, и социоконструктивистские воздействия на других.

Индивиды, по достоинству обладающие тем или иным жизненным ресурсом, распоряжаются им, в том числе, и в процессе идентификации. Можно получить определенные задатки от природы, унаследовать от родительской семьи тот или иной социальный статус, но на определенном жизненном этапе самостоятельного принятия решений в идентификационных процессах индивидом определяется судьба его «талантов». Он может их «закопать в землю», может приумножить, может растратить, взаимодействуя с тем или иным окружением, в одних случаях по выбору, в других — под влиянием. С точки зрения зиммелевской микросоциологии, именно «формы взаимодействия» решают судьбу содержательного ресурса личности. Даже в таком иррациональном отношении, как любовь, по мнению Г. Зиммеля, решающую роль играет контекст общения и взаимодействия влюбленных. Мы бы сказали — их «близкий круг» (в действительности и соответствии «по духу»). Именно состояние перманентного поиска-подбора усиливает или истощает габитус личности. Имеется в виду не его количественное приращивание или потери (во временном континууме жизненные осадки опыта неизбежно приумножаются), а в качественной выработке и закалке личностной самостоятельности, приобретении знаний как способностей. Иными словами, именно в сфере идентичности «выносятся вердикт» габитусу взрослого человека, достоянию его личности.

Идентичность — это обусловленная развитой самостью способность индивидов самоопределяться. Это определенного рода балансирование между ролью объекта социального воздействия и ролью субъекта социального воздействия в социоконструкторской организации общества.

У представителей конструктивистского направления П. Бергера и Т. Лукмана⁶¹ и у философов⁶² отмечается, что идентичность является атрибутом мыслящей, социализированной личности. Однако результат самопознания и мышления в идентификации, по мнению А.А. Яшиной, не совпадает с познанием истины. Еще русский философ В.В. Розанов писал: «истинное отношение каждого только к себе»⁶³. Самопознание через другого (идентичность) в принципе не может быть ориентированным на истину потому, как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, что в диалектическом слиянии идентификации и самоидентификации «индивид принимает не только роли и установки других, но в ходе этого процесса он принимает и их мир»⁶⁴. Идентичность в мире и с миром других, по мнению представителей Чикагской социологической школы, осуществляется в «оценивании», «диагностировании» (сравнении и сопоставлении с определенными стандартами) ситуаций, проблем. В американской социологии процесс идентификации увязывался с нарастающим индивидуализмом и прагматизмом⁶⁵. Но уже сами по себе процедуры рационального оперирования оценками, предпочтениями и выработкой стандартов с позиции конструктивизма могут внедряться и управляться социальными конструкторами, более ресурсными и доминантными индивидами, группами.

Соотнесенность личностного ресурса (габитуса) с системным габитусом окружающего контекста (по мнению П. Бурдьё, с «габитусом поля») в идентификационном процессе осуществляется в условиях прагматического, конструктивистского взаимодействия. Это означает, что идентичность как некий результат разнонаправленного (как со стороны личности, так и со стороны «Других») поиска-выбора может быть следствием, с одной стороны, ее личностного самоопределения (с различными долями сознательно активного и неосознаваемого), с другой стороны, результатом конструктивного (воспитательного, социоинженерного) процесса воздействия на эту личность. В зависимости от преобладания доли личностных усилий или усилий воздействующих акторов

условно можно выделить три степени защиты габитуса взрослого человека в сфере идентичности: минимальная степень защиты, практически не препятствующая внешним воздействиям на его личностный ресурс-достояние; самоидентичность — обеспечивающая личностно-культурный баланс взаимовлияния; и идентичность уровня самих акторов социального воздействия. Последний вариант и есть способность направлять неуверенность, неопределенность, растерянность других в нужное русло, приближаться вплотную к их габитусу (ресурсу) и управлять им, конструировать их поступки.

Выводы. Таким образом, можно подытожить:

- конструктивистский взгляд на идентичность как на поиск-выбор индивидами и группами своего «близкого круга» в действительности и в соответствии «по духу» раскрывает различия в способах его осуществления. Непосредственно субъект-центрированная модель конструктивизма рассматривает процессы организации общества, в том числе и процессы идентификации, как осуществляемые с трех позиций: 1 - с позиции активных субъектов, привносящих в жизнь общества и в поступки объектов своего конструктивистского воздействия идеи, проекты, технологии; 2 - с позиции относительно самоопределяющихся, самоактуализирующихся и, в целом, самостоятельных индивидов; 3 - с позиции объектов социоконструкторской деятельности, относительно легко подпадающих под воздействие первых, более активных и творческих личностей;

- исходя из анализа психологических работ по идентификации (З. Фрейда, К.Г. Юнга), в идентификационном процессе мы выделили две стадии: идентификацию при активном влиянии субъектов воспитания и самоидентификацию. В первой стадии, согласно З. Фрейду, выстраивается последовательность воздействия на индивида: со стороны природы, родителей и воспитателей. В самом раннем возрасте формируется идентичность по полу, затем идентичности по волевым установкам, по интеллектуальному уровню и идентичность социальным требованиям до

полного прорыва сексуального влечения. После этого логически наступает вторая стадия — самоидентификация в условиях все расширяющегося социального взаимодействия;

- первая стадия идентичности (зависимой от воспитательных воздействий) проходит в атмосфере эмоциональной привязанности (подражания, имитации и габитулизации того, что близко по духу или активно присутствует во внешнем окружении). Она присуща молодежи. Самоидентификация (постмолодежной стадии) — это самоопределение, поиск-выбор индивидами своего «близкого круга» в действительности и в соответствии «по духу», обусловленное, прежде всего, возрастом (когда исключается прямое воспитательное воздействие). В идеальной модели предполагается, что у окончивших обучение должна быть сформирована развитая самость и они должны быть способными отслеживать происходящее с ними самими и с другими в их окружении. В реальности же и у части взрослых индивидов самостоятельность оказывается условной. В их самоопределения вплетаются и акты внешнего воздействия со стороны агентов социоконструкторской деятельности;

- в структуре личности взрослого человека идентичность тесно взаимоинтегрирована с таким внутренним ресурсом, который обозначается в западно-европейской социологии словом «габитус». Под габитусом мы понимаем достояние личности, складывающееся из духовных, интеллектуальных и материальных приобретений индивида, которыми он наделен в связи с истинным актом воздаяния по заслугам. В этом комплексе идентичность выступает как периферийная зона, соотносимая субъектом с некими актуальными событиями, явлениями, объектами, группами. Идентичность — это посредническая инструментальная система, мобилизующая достояние личности на саморазвитие в ответ на значимые для нее внешние события, ситуации, социальные группы.

- социоконструкторские технологии сложного завуалированного типа, воздействуют на взрослых людей непосредственно через идентичность в

соответствии с тремя позициями активности и развитости у них самости. Идентификационные процессы или состояние идентичности могут способствовать: 1 – субдоминантной позиции личности взрослого человека в отношении воздействия на нее социальных конструкторов-проектировщиков (тогда габитус личности-объекта воздействия становится уязвимым для воздействия и позволяет легко управлять личностью как объектом, не препятствовать распоряжаться ее личностным достоянием); 2 – высокой доли самостоятельности в распоряжении личностью своим габитусом; 3 – выработке доминантной позиции по отношению к идентичностям «Других», к распоряжению их габитусом. Возможности таких индивидов возрастают до уровня самой воспитательной деятельности или конструктивистского воздействия на их окружение. В этом случае можно говорить об агентах идентификационных процессов, которые способны присоединить объекта к той или иной общности, группе. Чаще всего это наблюдается в деятельности религиозных миссионеров, в предвыборной агитации. Представители первой (субдоминантной позиции) легко переходят в процессе управляемой идентификации со всем своим жизненным опытом в ту или иную религиозную секту. Они перенаправляют свои психические и жизненные ресурсы на выполнение навязанных им в этих сектах функций. Чего нельзя сказать о людях с устойчивой идентичностью (вторая позиция).

ИДЕНТИЧНОСТЬ: МНОГООБРАЗИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ СМЫСЛОВ И СТРАТЕГИИ НАУЧНОГО ПОИСКА

Актуальность темы и теоретическое обоснование проблемы. Несмотря на обилие публикаций по проблематике идентичности, социология еще только приступает к анализу этого феномена во всей его сложности и противоречивости. Для западной социологии в ее модернистском варианте характерна значимость герменевтического исследования: необходимость различения субъективно предполагаемого смысла и объективно существующего, соперничество законодательного и интерпретативного знания в анализе явлений социальной реальности. В постмодернистском проекте стоит другая задача – описания условий, при которых знание и формируется, и социально поддерживается. Размышляя о направлении постмодернизма и роли социологии, которая имеет свой шанс по сравнению с другими науками в объяснении социальной реальности, З. Бауман замечает: “... социология нацелена не столько на общий синтез познавательных горизонтов, сколько на расширение горизонтов через показ присущей им двойственности и их взаимодополнительного, а не взаимоисключающего характера”⁶⁶.

Противоречия современного этапа общественного развития проявляются в ускользающей целостности социальных объектов, разрушении былой устойчивости общественного бытия, утере смыслов индивидуальной и коллективной самоидентификации. В ответ на вызовы глобализации, мирового экономического кризиса, усиливающейся миграции страны Европейского Союза ищут выход в сокращении дисбаланса между экономическим потенциалом разных государств, входящих в Союз, выстраивании общей политики взаимозависимости и сетевой гибкости, при которой затухевают границы членства в национальных формах и акцентируется индивидуализация социальных отношений. В это же время на пространстве Восточной Европы государства, обретшие статус суверенных